

Демидова Марина Владимировна

канд. филос. наук, эксперт

ООО «Аспект»

г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-112620

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК СТРАТЕГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ДИАЛЕКТИКИ ГОСПОДИНА И РАБА

Аннотация: с целью поиска решения проблемы регулирования современных социальных противоречий изучена диалектика господина и раба, выявлена преемственность её традиционных трактовок. Объяснён процесс современной трансформации диалектики господина и раба на основе стратегии «символический капитал», выявлены пространственно-временные особенности её функционирования, обоснована рекурсивная суть диалектики символического капитала. Впервые сформулированы и определены авторские понятия «поле доверия» и «ментальные дистанции». Сделан вывод о перспективности применения стратегии «символический капитал» для регулирования глобальных изменений. Исследование проведено в синергетической, рекурсивной и сложностной парадигмах на основе компаративного, социосинергетического, социально-философского подходов. Даны практические рекомендации по применению полученных результатов.

Ключевые слова: символический капитал, диалектика господина и раба, рекурсия, доверие, Бурдье, социальная стратификация, символическая власть, диспозиция, социальные дистанции, менталитет, капитализм, культурология, глобализация, стратегия, клиентела, социосинергетика.

Современный мир становится глобальным и переживает серьёзные изменения в понимании социального развития и взаимодействия с государствами различного политического устройства. Эти изменения ведут к переосмыслению социальных противоречий как давней социально-философской проблеме, наиболее

известной под названием «диалектика господина и раба» и изучаемой ещё со времён Античности философом Аристотелем, а спустя почти два тысячелетия вновь актуальной для европейской философии и изложенной в работах Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, Ф. Ницше, А. Кожева, Ж. Батая, Ж. Делёза, Э.Л. Боэси, С. Жижека. Современная российская исследовательница М.А. Корецкая проследживает в мыслях данных философов преемственность, основанную на взглядах Аристотеля о естественной обусловленности рабско-господских отношений, вытекающих из идеи об иерархичности мира: «если допустить, что люди по своей сущности не равны, то следует вывод, что их различия закреплены в самой природе вещей» [15, с. 117].

Что же стало причиной актуализации данной проблемы? Вероятнее всего, причина в зарождении и развитии капитализма, который смог превратить социальные отношения в преимущественно товарные, при которых человек стал оцениваться, исходя из его способностей приносить прибыль своим физическим трудом, так как экономика на заре капитализма была материальной. Сегодня, по мнению исследователей, происходит формирование глобального капитализма, которое «обусловило нарастание разрыва уровня жизни западных стран и остального человечества» [14]. Со времени появления информационных технологий в последней трети XX века экономические отношения интеллектуализировались и преобладающей формой труда стала интеллектуальная деятельность работников. Эти изменения привели к новым представлениям о капитале, поэтому на передний план теперь выходит символический капитал, понимаемый тройко: как информационный капитал или капитал знаний в интерпретации Э. Тоффлера (англ. Alvin Toffler, 1928–2016), как имиджевый капитал в понимании Ж. Бодрийера (франц. Jean Baudrillard, 1929–2007) и как кредит доверия в интерпретации П. Бурдьё (франц. Pierre Bourdieu, 1930–2002) [7, с. 67].

Определение, данное П. Бурдьё, является наиболее релевантным понятию «символический капитал», так как включает в себя содержания интерпретаций Э. Тоффлера и Ж. Бодрийера и сформулировано с учётом социальных факторов функционирования символического капитала: это «капитал чести и престижа,

который производит институт клиентелы, в той же мере, в какой сам производится ей» [3, с. 231]; клиентела – это «социальные отношения зависимости» [4, с. 272], строящиеся на основе стратегии накопления доверия.

Символический капитал является механизмом социального перемещения и взаимодействия. На основе отношений социального признания выстраивается социальная структура, которая по форме не иерархична как описано Аристотелем, К. Марксом и другими классическими теоретиками проблемы социальной стратификации, а гетерархична, то есть может иметь форму сети или сети сетей с центрами доверия как точками отсчёта для формирования той или иной социальной группы [8].

Исходя из данных особенностей функционирования современного общества, диалектика господина и раба гегелевского и марксистского вариантов была трансформирована П. Бурдьё и выражена в более широком понятии «диспозиция», понимаемом как логика социального взаимодействия. Она предполагает временность социальных отношений, в которой позиции акторов социального взаимодействия могут быть изменены в любой момент с помощью символического капитала как кредита доверия в социальном обмене. При осуществлении этого обмена большая роль отводится символической власти, которую П. Бурдьё называл такой невидимой властью, «которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам её осуществляет» [2, с. 88], или она «есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок» [2, с. 89] и определяется «в процессе и посредством определённого отношения между теми, кто отправляет власть, и теми, кто её на себе испытывает, то есть самой структурой поля, где производится и воспроизводится вера» [2, с. 95]. В отличие от гегелевского и марксистского представлений о линейности и иерархичности властных отношений такая трактовка власти характеризует нелинейность процесса социального структурирования.

Согласно П. Бурдьё, символическая власть самоорганизована, главный инструмент такой самоорганизации – символический капитал. Здесь традиционно экономическое понятие «капитал» П. Бурдьё применил во внеэкономическом

смысле, скорее, гораздо шире, распространив его на политическую и социальную сферы деятельности людей. Мы бы интерпретировали понятие «символическая власть» как «поле доверия», представляющее собой информационное поле, окружающее объект оценивания не с позиций денежной стоимости (как в марксистской теории), а с позиций возможности или невозможности осуществления социального взаимодействия, включающего в себя в том числе и социальный обмен.

Сегодня диалектика господина и раба теряет смысл, так как она имеет линейную иерархию от высшего элемента социальной системы, которым является господин, к низшим элементам – рабам, находящимся в зависимости от господ, отношения между которыми имеют свою иерархию. В наше время социальное пространство рассматривается исследователями как нелинейное, так как отношения акторов в нём трансформировались по сетевому принципу [1]. Формируется новая социально-экономическая формация – символический капитализм [5], основанный на принципах функционирования символического капитала, который, являясь стратегией социального взаимодействия в современном обществе меняет господско-рабскую диалектику социального взаимодействия на относительно равноправную, партнёрскую, основанную на стратегии реализации взаимных интересов. Относительность равноправия символично-капиталистических отношений обусловлена величиной и качеством символических капиталов участников социального взаимодействия.

Социальный интерес определяется ликвидностью (способностью капиталов приносить прибыль) символических капиталов сторон-участников социального взаимодействия [6]. Наиболее перспективными являются социальные взаимодействия участников со сходными социальными приоритетами и нормами взаимодействия, регулируемые социальными, культурными, правовыми и другими нормами как формальными, так и неформальными. Следование нормам характеризует правовое сознание, истоки которого лежат в культуре, обусловлены культурными нормами и ценностями, образующими менталитет как интеллектуально-психологическую характеристику отдельного индивида или социальной

общности. Транслирование культурных норм необходимо для достижения взаимопонимания между участниками социального взаимодействия.

Крайним выражением рабско-господских отношений является война, определяемая как вооружённая борьба между двумя или несколькими сторонами, ведущаяся за господство [11]. Представляя собой максимальное выражение рабско-господских отношений, она является частным случаем социальных отношений. Несмотря на то, что война – это борьба, символический капитал и здесь работает в качестве преобразователя идей в социальные действия. Будучи закономерным явлением, символический капитал как стратегия социального взаимодействия первичен по отношению к политическим отношениям. Особенно отчётливо это проявляется в обществах демократического типа устройства, где власть избираема народом. Поэтому, если народ не поддерживает свою власть по причине недоверия к ней, то возможно смещение неподдерживаемой (нелегитимной) власти или неподчинение ей.

Показательными в этом смысле являются процессы, происходящие сегодня в мире: попытки изменения существующего миропорядка приводят к смене диалектики господина и раба на диалектику символического капитала. Её суть рекурсивна: в связи с тем, что специфика кредита в социальном смысле состоит в необходимости его возврата, то «с помощью символического капитала социальные акторы оценивают возможность возврата долга. Если она высока, то возрастает доверие к социальному актору» [9, с. 283], а значит возрастает его авторитет и возможность влиять на те или иные события в политической, экономической или других сферах деятельности общества.

Также важно учитывать, что функционирование символического капитала обусловлено пространственно-временными параметрами. Символический капитал, сформированный в определённом социальном пространстве за определённое время успешно функционирует в том, пространстве, где он сформировался. Перенесение его (символического капитала) в другое социальное пространство с целью получения символических выгод, может быть таким же успешным в слу-

чае, если новое социальное пространство ценностно идентично. Важное значение в пространственно-временном контексте функционирования символического капитала имеют социальные дистанции, понимать которые можно как пространственно-временные промежутки между участниками социального взаимодействия. Они формируются членами общества в процессе социального взаимодействия, при котором с помощью норм устанавливаются определённые границы существования (в виде дозволенного или недозволенного, ценного или неценного) того или иного уровня (или сегмента, или элемента) социальной организации.

Уровни социальной организации характерны для линейного построения её стратификации, в этом случае она иерархична. В сетевой социальной организации стратификация похожа не на слоёный пирог, и не на матрёшку, а на сеть из сетей (или из матрёшек). Здесь каждая сеть и каждая матрёшка отдалены от других сетей и матрёшек определёнными дистанциями в виде норм и ценностей, принятых в данной социальной группе или общности, то есть принятых в той или иной сети социальных взаимодействий.

В социальном взаимодействии менталитетом обуславливаются ментальные дистанции. Они могут возникать между социальными группами и представляют собой различное понимание членами социума (или социальной группы) норм и ценностей социального или какого-либо другого вида взаимодействия.

В политике как одной из сфер существования диалектики господина и раба такие дистанции могут определяться и выстраиваться, исходя из различных представлений о власти. П. Бурдьё считал, что в обществе всегда ведётся борьба за власть. Осуществляется она на основе стратегии «символический капитал». Вероятнее всего само понятие «символический капитал» могло возникнуть только у западноевропейского учёного, мыслящего в духе капиталистического менталитета, ориентированного прагматически по отношению к другим людям, то есть в поиске выгоды или пользы. Это объясняется с позиций истории формирования западноевропейского менталитета. А она насыщена захватническими войнами, которые велись в Европе достаточно часто и представляли собой

борьбу за власть, где властитель тот, кто победил. Поэтому победителей не судят, ведь победитель и есть власть.

Иную историю формирования менталитета наблюдаем в российском обществе. История России насчитывает множество войн, но, что примечательно, почти все они были не экспансивными и захватническими как в Европе, а оборонительными со стороны русского народа, и, что ещё более примечательно, победоносными! Как объяснить феномен победоносности русского (российского) народа?

Можем предположить в качестве причины, то обстоятельство, что русский человек мыслит себя не в диалектике господина и раба, что означает отсутствие у русских людей рабского сознания, а видит социальное взаимодействие как совместное противодействие внешней угрозе. В российском обществе исторически преобладают ценности коллективизма, дающие всеобщие блага. Исследованию этого вопроса посвящены работы многих русских философов, представителей «философии общего дела» или «философии всеединства». Здесь, возможны возражения: а как же крепостное право, достаточно долго просуществовавшее в нашем Отечестве, не является ли оно показателем рабского сознания? Со всей уверенностью можем заявить: нет, не является. Потому что раб и крестьянин – понятия, отражающие различный социальный статус.

Если крестьянин на Руси имел социально-экономические и юридические права (имел свои жильё, имущество, скотину, орудия труда, крестьянскую общину как общественный институт, жил с семьёй и детьми) и не был полной собственностью помещика, а только участвовал в хозяйствовании и обрабатывал его землю, потому что был к ней «прикреплён», то раб в Америке был абсолютно бесправен и являлся полной собственностью господина, вплоть до ситуаций разведения рабов на продажу [17, с. 426].

Рабство – это понятие, отражающее полную принадлежность господину как на сознательном, так и на физическом уровне жизни. Оно достаточно долго просуществовало в странах колониального типа, особенно в Америке. Сейчас среди западных историков становится популярным проект американского журналиста

Николь Ханна-Джонс, представляющей «альтернативную версию американской истории, в которой рабство и его последствия занимают центральное место» [13]. Данные исторические факты свидетельствуют о рабско-господском менталитете американцев, исходя из которого они воспринимают весь окружающий их мир и в соответствии с которым они выстраивают социальные, политические и экономические стратегии развития своего государства. Даже демократия, так активно проповедуемая США, абсолютно отличается своей недемократичностью от демократий всех других стран и тем более от первоначального античного её понимания как власти народа. В США политический выбор делают не все граждане страны, а те, людей, которых делегировали её граждане, поэтому современная демократия в США – это власть представителей от штатов, то есть власть нескольких десятков человек.

На Руси не было рабов. Были хозяйственники, работавшие и на себя, и на общину, и на помещика одновременно. Данная ситуация стала меняться во времена правления Петра I, то есть при формировании капитализма в России, когда были усилены владельческие права дворянства «в отношении помещичьих земель и крестьян» [21, с. 28]. Но ментально, крестьянин, как и другой русский человек, руководствуется христианской идеей о равенстве всех людей перед Богом, поэтому и относится ко всему не как господин или раб, а как хозяйственник, олицетворяющий себя с продолжением Бога и заботящийся о своём имуществе не ради выгоды, свойственной для капиталистического мышления. На это обращают внимание отечественные исследователи: в русской культуре «онтологически изначальной и естественной интенцией личности по отношению к принадлежащей ей вещи... признается забота и сбережение, а не пользование или извлечение выгоды» [10, с. 192]. Согласно русскому философу С.Л. Франку, вещи (собственность) являются продолжением личности, поэтому «нормальное наше отношение к ним не пользование, а «обладание», «владение» [18, с. 273].

Следуя этой логике, можем констатировать смену ценностей в российском обществе, начавшуюся в период с 1990-ых годов и отличающуюся активным

внедрением в менталитет русского народа ценностей индивидуализма, транслируемых западноевропейской культурой посредством СМИ (средств массовой информации) в виде фильмов, песен и других способов транслирования культуры. На этот факт обращают внимание многие отечественные учёные [12; 16; 19; 20]. Основная цель такого трансформирования, вероятнее всего, состоит в ослаблении социальных связей и последующем раздроблении общества, то есть увеличении социальных дистанций между людьми. Ведь умение мыслить в духе коллективизма есть умение сотрудничать, а не поработать. В сфере трудовой занятости это означает взаимовыгодный обмен навыками и умениями, который наиболее эффективен в случае применения стратегии «символический капитал».

Особое значение в этой связи имеет система образования как система формирования сознания и менталитета граждан Российской Федерации. Преподаванием дисциплины «История России» в качестве обязательной для изучения в школах, средне-специальных и высших учебных заведениях вносится наибольший вклад в дело формирования менталитета у граждан России. Но этой дисциплины недостаточно, так как история есть транслирование знания о наиболее значимых для России событиях, то есть об исторических фактах. Последующая интерпретация и оценка этих фактов может быть неоднозначной и обусловленной различными интересами (политическими, экономическими и другими) тех или иных социальных групп как внешних со стороны других стран, так и внутренних.

В связи с этим следует наряду с обязательностью дисциплины «История России» в тех же учебных заведениях Российской Федерации ввести в качестве обязательной дисциплину «Культурология» с большим объёмом тем, посвящённых изучению российской культуры. Именно в рамках преподавания культурологии возможно транслирование оценок значимости исторических событий и тем самым формирование менталитета граждан России. Именно так возможно познание национальных ценностей и формирование патриотизма у всех россиян.

Таким образом, суть диалектики господина и раба состоит в том, что господин является господином постольку, поскольку у него есть рабы. Отсутствие рабов у господина делает невозможным его господство. Символический капитал, отечественным аналогом которого можно считать такое явление как порядочность, является стратегией трансформации диалектики господина и раба в направлении достижения социального равноправия и партнёрства, которые на данный момент в мировом масштабе развиты достаточно относительно, но в перспективе данная стратегия имеет большой потенциал в связи с возникшей сегодня необходимостью поиска регуляторов глобальных изменений. Конечно, реализация стратегии «символический капитал» может иметь свои риски, подлежащие дополнительному изучению с целью поиска способов их преодоления.

Список литературы

1. Абрамова М.А. Применение социокультурного и интеракционистского подходов в изучении трансформаций социокультурного пространства / М.А. Абрамова // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11. №11 (75). – С. 3045–3054. – DOI: 10.35775/PSI.2021.75.11.006 – EDN: MYURNO
2. Бурдые П. О символической власти / П. Бурдые // Бурдые П. Социология социального пространства. – М.; СПб., 2007. – С. 87–96. EDN TLWNRX
3. Бурдые П. Практический смысл / общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. Социологии, 2001. – 562 с. EDN QOGTMH
4. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. EDN QOECDF
5. Демидова М.В. Социально-философское обоснование теории символического капитализма / М.В. Демидова // Философия права. – 2015. – №4 (71). – С. 20–23. – EDN: UJENUN
6. Демидова М.В. Единицы измерения и ликвидность символического капитала: социально-философский подход / М.В. Демидова // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – №2 (41). – С. 117–124. – EDN: SDXYXX

7. Демидова М.В. Место символического капитала в обществе метамодерна: ценности и габитусные матрицы / М.В. Демидова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – №2. – С. 66–74. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-2-66>. – EDN: OFOMRF
8. Демидова М.В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: философский подход / М.В. Демидова // Известия Томского политехнического университета. Серия: Социально-гуманитарные технологии. – 2014. – Т. 325. №6. – С. 75–80. – EDN: THVEQH
9. Демидова М.В. Социальность и рекурсия: синергетический подход / М.В. Демидова // Научный аспект. – 2023. – Т. 3. – №12. – С. 273–286. – EDN: ZPLHGJ
10. Демин И.В. Вопрос о собственности в русской философско-правовой мысли первой трети XX в. (С.Л. Франк и Н.Н. Алексеев) / И.В. Демин // Философия хозяйства. – 2022. – №1 (139). – С. 189–211. – EDN: JXRBLT
11. Джioева Э.Э. К вопросу о понятии «война» в современном мире / Э.Э. Джioева, С.В. Тарадонов // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2023. – №17. – С. 10. – EDN: HIRNXC
12. Заров Д.И. Основания культурно-цивилизационной оппозиции России и Запада / Д.И. Заров // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций: сборник научных трудов. – 2017. – С. 36–41. – EDN: YINQWH
13. Калинина А.О. Медиарепрезентация социального неравенства в США (на примере анализа серии статей «The 1619 Project» / NYT) / А.О. Калинина // Научный аспект. – 2024. – Т. 43. №5. EDN WDLPLN
14. Кларк Г. Прощай, нищета! / Г. Кларк // Краткая экономическая история мира. – М., 2012. – С. 417–503. EDN PDOXMO
15. Корецкая М.А. Признание и негативность: полемика вокруг диалектики господина и раба / М.А. Корецкая // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17. Вып. 3. – С. 115–126. – EDN: XDMPZB

16. Кузьмин А.А. Вызовы и угрозы российской культуре со стороны Запада: история и современность / А.А. Кузьмин // Трансформация современной войны: материалы III Всероссийской научной конференции. – Омск, 2024. – С. 186–192. – EDN: YYXGBQ
17. Курилла И. Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США / И. Курилла // Новое литературное обозрение. – 2016. – №6 (142). – С. 425–440. – EDN: ZCIYUZ
18. Франк С.Л. Собственность и социализм / С.Л. Франк // Евразийский временник. – Кн. 5. – Париж, 1927. – С. 262–284.
19. Хренов Н.А. Россия как тип цивилизации: от Запада к Востоку / Н.А. Хренов // Вопросы культурологии. – 2017. – №2. – С. 42–50. – EDN: ZMYUQH
20. Яблоков М.С. Культура и общество: развитие или регресс? / М.С. Яблоков, Н.А. Семешко, А.С. Федотов // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2022. – №4 (26). – С. 10–16. – EDN: NYSKFA
21. Яхшиян О.Ю. «Золотой век» русского крепостничества / О.Ю. Яхшиян // Вестник университета. – 2022. – №8. – С. 28–34. – DOI: 10.26425/1816-4277-2022-8-28-34. – EDN: XTHUIW